

**ИГОРЬ
КЛЮКАНОВ**

резюме

игорь клюканов

Поэтическая библиотека

Серия основана в 1993 году

ИГОРЬ КЛЮКАНОВ

резюме

МОСКВА 2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84Р7-5
К52

Оформление
Дмитрий Минеев

Клюканов И. Э.

К52 Резюме. — М.: Время, 2015. — 128 с. — (Поэтическая библиотека).
ISBN 978-5-9691-1264-3

Игорь Клюканов — филолог и по образованию, и по призванию. Он автор монографий и учебников по проблемам коммуникации, а «Резюме» — его первый сборник, в который вошли стихотворения, написанные на протяжении ряда лет, в том числе юношеские, из почти забытой тетради. По мнению И. Клюканова, любое искусство, в том числе и поэтическое, лишь содействует раскрытию сущего: поэтому все представленные в данном сборнике стихотворения написаны, как признается сам автор, «по моему хотению, по щучьему велению», — и в каждом запечатлен тот или иной момент течения жизни. Любое жизнеописание, каким бы кратким оно ни было, имеет шанс длиться долго, а как долго — зависит от того, насколько эти стихотворения окажутся созвучными читателю.

ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-9691-1264-3

9 785969 112643

© Игорь Клюканов, 2015
© «Время», 2015

«Чтобы сливались слово и слово, слово и слово...»

Предисловие к этой книге остро необходимо, поскольку книга посвящена слову. Редкое стихотворение не включает в себя слова «слово» или слов, имеющих к слову отношение. Корни, суффиксы и приставки, части речи — имена, местоимения, глаголы, грамматические категории — например, совершенный и несовершенный вид, знаки препинания — запяты, точки и многоточия, фонетика — гласные, согласные, а дальше уже без разбора: язык и речь, говорение и молчание, фраза и строка, ритм и метр, мелодия, абзац, заголовок, алфавит... мы, со всей очевидностью, находимся в мире Логоса, отчего мое сердце — филологическое по призванию и образованию — испытывает своего рода комфорт, безоговорочно соглашаясь включиться в эту вечную игру, смысл которой — «понять, что все-таки скрывается за словом» (И. Клюканов).

В моем словаре не существует словосочетания «лингвистическая поэзия», поскольку любая поэзия для меня — лингвистическая. Более того, в моих глазах поэзия и есть прежде всего явление языка: если я не обнаруживаю у стихотворного текста лингвистической подоплеки, текст просто не воспринимается мною как поэтический. Так научил меня относиться к поэзии Роман Робертович Гельгардт — один из самых светлых образов моей юности.

Профессор Гельгардт был для нас — Игоря Клюканова и меня — общим учителем. Это ему прежде всего мы и обязаны присутствием, видимо, нам обоим отношением к поэтическому тексту. «Писатель владеет языком, но и язык в известном смысле владеет писателем», — снова и снова повторял Роман Робертович, и мы, тогда студенты, учились воспринимать язык как живое существо, которое иногда не очень-то и считается

с присутствием в мире нас, его носителей. «Пока ты идешь на поводу у языка и полагаешься на него, — сказал мне однажды Роман Робертович, — ты защищен и с тобой не случится ничего плохого». Так что мы, его ученики, бродили по Твери времен развитого социализма (до 1990 г. Калинин. — *Ред.*), предавались опасным по тем временам размышлениям о слове как истине в первой инстанции, читали стихи полузапрещенных или вовсе запрещенных тогда поэтов и... увы, без надежды смотрели в светлое будущее.

Будущее огоршило нас обоих: Игорь Клюканов оказался в Америке, я — в Дании, оба мы стали-таки лингвистами, оба, что еще удивительнее, никогда не прекращали писать стихи. Узнали мы об этом недавно, опять же в Твери встретившись после почти тридцатилетней разлуки и предъявив друг другу свои «послужные списки». Стихи стояли в них на почетном, первом, месте.

Игорь Клюканов преподает сейчас в Восточно-Вашингтонском университете, он автор монографий и учебников, посвященных проблемам речевой коммуникации, и главный редактор «Russian Journal of Communication» (Rouledge/Taylor&Francis). Этот сборник стихов — его первая «внеаучная публикация». Правда, сборник озаглавлен, скорее, научно (провокативно научно?) — «Резюме», но каждой строкой доказывает, что самое совершенное средство общения — поэзия, для которой «неважно, кто ты — автор этих строк или произведение, написанное под диктовку судьбы», как замечает Игорь Клюканов, завершая свою научную монографию «Коммуникативный универсум...» — или «где этот воздух волшебный и где мы сами», как говорится в одном из стихотворений сборника.

*Евгений Клюев
Копенгаген, август 2014*

РЕЗЮМЕ

Судьба похожа на стихотворенье:
Сначала — паузы, сначала — ударенья,
И замысел, как школьник, близорук.
А фразы появляются не вдруг —
Они растут, как волны, постепенно:
Бегут, освобождаются от пены,
Несутся, вырываются из рук,
И вот уже все легче каждый звук —
Как пух лебяжий, как морская пена.
Но остаются все же островки:
Здесь — пара строчек, там — лишь полстроки:
Пока что не написанные строки;
Лишь дан размер — та-та, та-та, та-та,
И жизнь идет, и поджимают сроки,
И не уйти с тетрадного листа.

...или вот: произнесешь «грибники»,
Просто так — безо всякого смысла;
И сразу: деревья, берег реки,
Деревня, деревянные коромысла;

Выходишь из леса, идешь к реке,
А там рыбаки хвастаются уловом.
Как это можно на одном языке
Выразить одним лишь словом?

А впрочем, вся жизнь — лишь суффикс «ник»;
Юноша, в траве подкову нашедший.
Может, потому я к ней так и приник
Слухом, голосом — как сумасшедший.

Главное — построить фразу
Из слов, самых простых.
Тот, кому это удастся, сразу
Причисляется в искусстве к лику святых.

Но о чем думает Бродский,
Язык, как жало, раздваивая свой;
Воспевая мир — родной и уродский —
В баре, в контексте поэзии мировой?

Что ему снится, пока, плутая,
Память путается в адресах?
Электричка в пригород полупустая?
Исакий, замерзший на мертвых глазах?

Неприкрепленной лодки не отвяжешь
И слова непрожитого не скажешь;
За этот незатейливый секрет
Я заплатил — увы! — немало лет.
И памяти волшебная шкатулка
Мне поначалу отвечала гулко,
Зато теперь она полным-полна,
И в ней любая музыка слышна.
И я иду по звуку, как по следу,
Но не попасть в четверг, минуя среду,
И звуки задыхаются в груди,
Но жизнь — на полдыханья впереди.

Эта жизнь — с этим сбивчивым шепотом,
С этим потом своим, с этим опытом, —
Неужели она пропадет
Без следа, просто так, просто пропадом —
Так, что после никто не найдет?
Может быть, кто-нибудь — с поисковую
Экспедицией — все же пройдет
По следам; проведет траекторию
Так, чтоб все мы попали в историю
Хоть на час, хоть на день, хоть на год?
Может, вещью какой пустяковую
Жизнь найдется — пусть самой простой:
Вкусом пряника, старой подковою,
Духом, сном, перед что запятой?

Мир открывается, будто глазок потайной,
Пока лава с Везувия несется зловеще,
Пока пена на капучино легче, чем пух.
Но, как всегда, жизнь заставляет остановиться
И — перевести дух;
Спрятаться за стеной,
От опасности скрыться,
Зайти в пиццерию и переждать полуденный зной.
И вот уже приходится искать забытые вещи,
Гадать на кофейной гуще, вертеть головой,
Чтобы мир определился резче,
Подернутый пепельной пеленой.

Я гулял по солнечным пляжам Ла-Хойи,
Бродил по кварталам, черней, чем картины Гойи;
Курил украдкой отцовские папиросы,
Задавал сомелье грамотные вопросы.
В какой бы стране ни жил — ею гордился,
И, разумеется, прежде всего — той, где родился.
Но если уж приносить навеки присягу,
То не одному какому-то стягу,
А всей Вселенной, гению Фибоначчи,
Чтобы и впредь все было так же, только иначе.

Была такая яркая молния,
Что стало ясно: это не ты и не я,
А части какой-то полузабытой речи;
И эти руки, и губы, и плечи
Не отделимы от ветра, поля, реки —
Этой постоянно меняющейся мозаики.
И попытки грамматики,
Старания словаря
Оказываются в конечном итоге зря,
Поскольку любые расположения
Слов, тел, любая линия —
Лишь до следующего раската грома,
До следующего озарения.

Я никому не скажу, а тебе скажу.
Ни слова не запишу, до дверей не провожу
И ответа не попрошу.
Но зато никому не скажу, а тебе скажу.

Я открою тебе самый главный секрет,
Которого никогда не было и нет:
Пойдешь туда, куда хочешь, — увидишь след;
А забросишь бредни — поймаеть бред.

Это все звук, который звучит и звучит:
То, как галчонок, клювом стучит,
То, как ручей, под ногами журчит.
Он всегда с тобою — даже когда молчит.

Он все звучит и звучит, маня и маня;
Без него не проходит ни ночи, ни дня;
И он защитит тебя лучше, чем любая броня.
А впрочем, ты лучше не слушай меня.

* * *

...и поскольку жизнь начинается из-за такта,
Можно сказать: «Все было так-то и так-то»,
А можно сказать: «Все было совсем не так» — и тогда
Подмигнет Эйнштейн, и открытку пришлет Деррида,
И понедельник, скорее всего, начнется в субботу...
Но самое главное — то, что целую ноту
Нельзя между пальцами сжать, в руке удержать:
Она, как тростник, продолжает дрожать,
Под ветром играя,
Рождаясь и вновь умирая.

То ли ночь за дверью, то ли день —
Дребедень, через-колоду-пень.

Пух и прах, сплошная чепуха,
Штоф зеленый, под горой ольха.

Где же мой трамвай, такой восьмой,
Чтобы он отвез меня домой?

Там с щемящим визгом, как щенок,
Бросится навстречу мне звонок.

Там любую дверь откроет ключ;
Там, как ежик, разговор колюч.

Там и это так, и это так;
Там за дверью что ни шаг — то мак.

Может, в этих маковых полях
Я забуду о ночах и днях.

Минута длиною в вечность, детские игры.
Дней и недель перелетные стаи.
И вот уже не спрыгнуть с бегущего тигра,
Как говорят, насколько я помню, в Китае.

Впрочем, память моя помнит так, как придется;
И почему именно там, не совсем понятно.
Но судьба, как зверь, по следу, по звуку крадется,
И леопарду уже не сменить свои пятна.

Значит, все еще много раз должно повториться,
Раз уж на тигра, на леопарда сели.
И кажется: если закрыть глаза на миг, притвориться,
То можно остаться навеки на этой праздничной карусели.

Все дело не в цвете, а в колорите;
В кусочке лайма, поданного к «Маргарите».

И надо б замедлить шаг, не торопиться,
Остаться, за эту соломинку зацепиться.

Потягивать время с пространством, не двигая усом,
И наслаждаться этим солоноватым вкусом.

И чтобы жизнь уходила неторопливо,
Как линия берега в час отлива.

Ничего не поделаешь: осень, дожди.
Эй, случайный прохожий!
Лучше дома останься, сиди-обводи
Лист, на сердце похожий.

Лучше в вазу поставь этих листьев букет —
Влажных туть, разноцветных.
Посмотри, как красиво закручен сюжет —
Сколько линий сюжетных!

И не надо корпеть над строкою — забудь!
Нету смысла лукавить:
Разве можно добавить к дождю что-нибудь
Иль хоть каплю убавить?

А закончится осень — начнется зима;
Снова ветер подует,
И снежинок опять за оком кутерьма
Закружит, заколдует.

Станешь слово искать, чтобы длился хорей
За поземкою снова.
Но следы заметет, и стемнеет скорей,
Чем найдется то слово.

И стекло белой вязью затянет опять,
Лишь глазок в нем продышишь.
А внутри так тепло и так хочется спать:
Ничего не попишешь.

Слышим звон, да не знаем, где он.
Вот и ищем снова и снова,
Где же эта первооснова.
Может, это апейрон — то есть нечто со всех сторон?
Или какая в небесах босанова?
Или, может, это камень под нами какой?
Ох, уж эти занятия метафизикой!
И хочется дотянуться рукой туда,
Где есть то слово, которое было в начале, то есть всегда.
И удостовериться, что все эти горы и города,
Океаны и реки —
Всего лишь звуков одна череда, в небе звезда,
Том на полке в несуществующей библиотеке.

Здесь, наверно, и вправду намазано медом,
Здесь все болячки лечатся йодом.

Здесь вода в любом водоеме живая,
Здесь отовсюду вывозит кривая.

Здесь на кофейной гуще годами гадают,
Здесь молоко и кисель льются рекой — в рот не попадают.

Здесь все на свете бывало — как не бывало.
Здесь сколько ни проживи — все равно будет мало.

* * *

Пусть в начале было слово,
Пусть все сотворено мерою и числом,
Все равно не старайся сказать обо всем,
Все равно первое слово дороже второго,
Не говоря уже о третьем, четвертом, пятом или шестом.
И не считай, и не считайся — все это дело пустое.
Лучше слушай ровно столько, сколько потребуется,
Чтобы услышать, как точка становится запятою,
Как с цветка слетает пыльца;
И тогда, может быть, сумеешь проникнуть, словно оса,
В самую суть самого Логоса.

Уже достаточно любого слова, любой зацепки:
Простых приветствий, листвы, канцелярской скрепки.
Уже неважно, как строится предложенье,
Поскольку любой порядок слов — лишь продолженье;
И держится все не на корне, не на основе,
А на канцелярской скрепке, на честном слове.
Лишь стоит восхититься закатом алым —
И все соединится, как под лекалом.
И кто еще, как говорится, владеет правдой —
Академик-авгур или этот закат над Равдой?

Г. С.

Время лучший лекарь или пространство?
Впрочем, искать между ними грань — бесполезное дело.
Всё это — скорость, всё — непостоянство,
Разъединенье друг с другом тела и тела.

Все это — скорость, все — ускоренье,
Вспышки на солнце или вселенские ветры.
Как без ошибки осуществить измеренье?
Что считать единицей? Дни? Километры?

Все это плохо и так видно сквозь слезы.
Все это может, как сон, оборваться.
Мало, пожалуй, какой бы то ни было дозы.
Не расставаться, не расставаться, не расставаться.

Было неясно лишь на первых порах.
А теперь я знаю, что буду тут,
Пока дворники во дворах
Пока метлами метут и метут.

Пока в этом ритме движется мир,
Затеряться, я знаю, никак нельзя
В пустоте этих черных дыр,
По поверхности искривленной скользя.

Значит, можно стариться-и-не-стареть.
Так давай же, метла, мети и мети!
Мне уже совсем не страшно не умереть,
Мне уже с любой соринкою по пути.

В зеркальном омуте такая крутизна!

О. Мандельштам

Как справиться с такою крутизной,
Такою укоризною, кручиной?
Такою безразборчивой, шальной,
Такою вездесущей, беспричинной?

Легко сойти, как поезд, под откос;
Сойти на нет, бесследно раствориться.
Но радужны так крылья у стрекоз,
Но так крепка у глаза роговица.

И пусть сказать трудней бывает «да»,
Чем камень передвинуть стопудовый, —
Жива в ручьях невидимых вода,
И сладок алфавита вкус медовый.

Так до конца не отпускает взгляд,
Так держат корни, окончанья эти.
Молчат уста, ущелья говорят;
И все равно — равно всему на свете.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ДЛЯ АНИ

1

Спи, глазки закрывай, усни —
Всюду уже погасли огни.

Лишь за окошком светит луна —
Она по ночам светить должна.

Спи, успокойся, глазки закрывай —
Мир похож на большой каравай.

Спи, не волнуйся, доверься судьбе —
И выбирай все, что хочешь, себе:

Зеркальце, кольцо, узоры-кружева,
Любую страну и любые слова.

Спи крепко-крепко, а я тебе спою;
Отведу все беды, убаюкаю.

Отпугну подальше серого бычка,
Спи, моя родная девочка.

Спи, пускай сны твои будут легки;
Всюду уже погасли огоньки.

Только луна все светит в окно,
Все будет так, как и быть должно.

2

Баю-баюшки-баю —
Спи, а я тебе спою.

Ты спокойно спи, а я
Отведу несчастья.

Все сумею, все смогу —
От бычка оберегу.

На бочок ложись смелей —
И о прошлом не жалея.

Крепче закрывай глаза —
Все на свете сбудется.

Будут белка и свисток,
Будут запад и восток,

Дом со звонким со звонком
И кольцо с брильянтиком.

Баю-баю — засыпай.
Спи спокойно — баю-бай.

Снится молоко котенку,
Рыба — рыбакам;
Снится шоколад ребенку,
Юность — старикам.
И луна на небе темном
Говорит с тобой о том нам,
Что и мы должны
Видеть сны.

Спи, пускай тебе приснится
Устье и исток;
И журавль, и синица,
Запад и восток;
Легкая, как пух, дорога,
Добрый взгляд единорога.
Глазки закрывай,
Баю-бай.

Сны тебе пускай все эти
Снятся вновь и вновь;
Если что и есть на свете —
Это лишь любовь.
Лишь переплетенье звуков,
Что звучит, нас убаюкав;
Лишь мелодия —
Ты и я.

Спи, а я начну сначала,
Чтобы эта связь
Все звучала и звучала
И не порвалась.
Чтобы ты в ней отзывалась
И со мною оставалась,
Как и та звезда —
Навсегда.

* * *

Из забывших меня, а вернее —
Не вспоминающих (что в десять раз больше) —
Можно составить если не город, то хотя бы поселок
Где-нибудь между берез и елок.

Я уже почти научился, как сон, возвращаться
И по желанию превращаться
Рифмой парною, кольцевою
Во что захочу — то в листья, то в хвою.

Мне уже не страшны расстоянья;
И наши встречи, вернее — нерасставанья,
Как прикосновения ночи летней,
Но только еще нежнее и мимолетней.

Е. К.

Привет тебе с удивительных берегов,
Где мир делится не на друзей и врагов,
А на море и все остальное; вернее —
Не делится, а складывается в одно,
Где нет ничего поверхностнее, чем дно;
И где нельзя сказать, что синее —
Вода или небо, поскольку всё это — слова,
И ни одно из них не важнее
Другого, и все они значат столько же, сколько трава,
Или песок, или вообще — все, что угодно.
Здесь все похоже на все (почти по Фуко);
Может, поэтому и дышится так легко,
И мысль о тебе, куда ни пошли ее — вглубь ли, ввысь ли —
И как бы ни был ты далеко,
До тебя долетает со скоростью мысли.

* * *

Чтобы идти и идти по берегу моря,
Не озабочиваясь ни рифмой, ни метром,
Надо просто идти по берегу моря, не споря
Ни с песком, ни с волною, ни с ветром.

Надо идти и идти молчаливо,
Просто по берегу моря без разговоров;
Просто идти во время прилива, во время отлива,
Укоротив до берега моря свой норов.

Чтобы идти по берегу моря, не торопиться,
Но и не медлить, надо идти по берегу моря;
К ветру, к песку и к волне приноровиться,
Их дыханию вторя и вторя.

Чтоб невесомым сделалось всякое бремя,
Надо идти по берегу моря и не бояться,
До горизонта добраться сквозь пространство и время
И незаметно за край его перебраться.

Надо идти и идти, снова и снова,
Не зная, что будет завтра, не зная горя,
Чтобы сливались слово и слово, слово и слово,
Как берег и море, берег и море.

* * *

На охоту собирались — кормили собак,
В пустую чернильницу перо макали,
Вместо церкви ходили в кабак,
Нить втрое не скручивали, а распускали.

Каждое утро вставали не с той ноги,
Начинали считать — сбивались со счета,
Заканчивали мысль с красной строки,
Запирали дверь на полтора оборота.

А солнечный зайчик прыгал, как ребенок босой,
Прямо в небо опрокидывалась канава,
Черновик все не сох и наливался слезой,
И жизнь, качнувшись вправо, качалась вправо.

Вышел месяц из тумана
Слишком поздно, слишком рано,
Зуб на зуб не попадает,
В расписаньях — разнобой.
Бог с тобой, какие планы?!
Снег идет, собака лает,
Солнце за окном пылает;
Успокойся, бог с тобой.

На золотом крыльце сидели,
А потом к концу недели
Дождь пошел, все улетели,
И все принялись летать.
Всех так жалко, и так жалко,
Что не может всех считатька
Ни собрать, ни сосчитать.

Но все манит грифель твердый,
Гордый, хоть наполовину стертый,
И идем мы вслед за этим —
Этим тертым калачом.
И пока мы не ответим
За свой каждый шаг позорный,
Мы свой голос не услышим,
Не узнаем, что почем.

Значит, ни к чему страданья;
И излишние старанья
Ни к чему — им грош цена.
Только полное признание,
Только робкое дыханье.
Светел месяц, ночь темна.

* * *

Не на злобу дня, а на добро ночи,
Сделали бы паузу, помолчали;
А потом сказали бы всё чуть иначе,
Чтобы были утолены печали.

Вы, конечно, помните, как там у Платона, —
Значит, и здесь не забудете понизить голос,
Ненамного — хотя б на полтона,
Чтобы сердце случайно не расколось.

И не надо себя винить — посудите сами:
Все равно это все не окинуть оком.
Пусть все будет по форме: частично перед глазами —
А частично, как водится, перед Богом.

Ну а если судьба поведет себя слишком жестоко,
И покажется, что дела не бывают дряннее,
То на это есть утро, которое приходит с востока
И которое вечера мудренее.

* * *

Мне уже не надо ничего,
Кроме одного:

Просто в день любой и в час любой —
Быть с тобой.

Быть, забыв ненужные слова,
Как трава.

Больше не учиться, не учить —
Просто быть.

Просто несокрытость бытия —
Ты и я.

1

...не переводя ни дыхания, ни часов,
Не закрывая ни сердце, ни дверь на засов,
С расставаниями не расставаясь,
Транспорту предпочитая прогулки пешком,
Не обольщаясь родным языком,
Каждый день кем-нибудь еще забываясь,
За грифелем следуя по пятам,
Поднимаясь на цыпочки и тут и там,
От любви и нежности задыхаясь...

2

Это не рассветает по часам, а часы
Двигутся со скоростью волн или росы,
И цифры напоминают облака или капли.
А как протекала наша жизнь — и так ли —
И насколько успешен был перевод
Этого воздуха и этих вод
В эти касанья и расписанья,
В эти знаки, значения наши,
Мы узнаем, когда перестанут качаться чаши
И остановятся на мгновенье весы.

Будто кто-то надиктовывает мотив,
И его запомнить можно, лишь не забыв:
Надо только мелодию не перевернуть
И слова по дороге, как подорожники, подобрать.

Надо только тянуть мелодию — и наконец,
Может быть, затянется этот рубец,
И слова сумеют от напастей всех излечить,
И пространство от времени будет не отличить.

И будет звук безграничным — не в полу-, а в полный тон,
И будет прав Аристотель, и прав Платон.
И станет известно то, что известно давным-давно:
Что все ни на что не похоже и что — все равно.

А пока же надо идти и идти, пока
Не покажется река и еще река.
И не окажется мотив знакомым таким
И слово таким знакомым, родным, твоим.

Скажешь слово, и кажется — слышишь отзвук;
Или это зуб не попадает на зуб?
Все-таки такая погода, ветер;
И такой город — Питер.

Кажется, так легко потеряться,
В переулке с судьбой разминуться,
Сделать шаг в сторону — и провалиться
На всю глубину каменного колодца.

Как переплыть эту реку,
Чтобы совсем не размокли строки?
Как сделать так, чтобы никто не умер?
Не ржавела жечь, не крошился мрамор?

Все это будет: говори, говори, не бойся.
Все это было: плачь, улыбайся, смейся.
Это дыхание из-под страшного груза.
Это солнце на самом краю карниза.

Надо вспомнить, забыть, промолчать, сказать: неважно
Что, — что-нибудь. Например:
«За углом вокзал или сквер».
Пусть не вокзал и не сквер, а река,
Например, Темза или Яуза.
Главное — чтобы звук, который раздается из-за угла,
Раздавался протяжно;
Чтобы жизнь протекала, текла
И чтобы любая пауза
Вела не к самому краю хаоса,
А была сама гармония, музыка;
Чтобы контур любого числа
Не замирал точкой там, где заканчивается строка,
А чуть медлил на кончике языка
И превращался в линию —
По моему хотению, по щучьему по велению.

Сжечь бы этот ворох этих сосновых иголок,
Несмотря на то что скажет эколог,
А потом следы замести... А не то
Одна из них достанет до сердца даже через пальто,
Даже через воды если не Тихого, то Ледовитого океана,
И, разумеется, через годы, как это принято,
Как это водится: рана,
Несовместимая с каким-то днем какого-то месяца.
И кажется, что еще рано,
Что еще не все прожито,
Но завтра будет поздно — и так уже не видно лица,
И спички ломаются.

А как веревочка ни вилась, а все равно вьется,
Потому что приходится все так, как придется.
А отчаливать можно и от причала,
Все равно не понятно, где конец, где начало.
А пространство и время, эти все априори —
Все это выдумки Канта; а есть лишь звезды и море.
А между ними повсюду волны-частицы;
И можно на небо подняться, на дно опуститься.
А чтобы странствие это могло продолжаться,
Надо уметь на этих волнах, на этих частицах держаться.
А за что? А за что придется: за ус Черномора,
За эту тонкую ниточку этого разговора.

И снова эта предновогодняя суতোлка,
И, значит, надо снова успеть, пока
Не сойдутся стрелки в двенадцать часов,
Загадать желание, сказать самое главное,
Не затеряться среди этих всех голосов,
Откупорить бутылку шампанского, перечесть
Пушкина, все благословения, которые есть,
И почувствовать это дыхание плавное
Этого полузабытого языка
Этой жизни, которая идет, как снег, течет, как река,
За годом год, за строкою строка.
Между словом и числом — только музыка.

Ветер, кажется, не воеет, а завывает.
То есть не рвется сюда, а зазывает,
Куда-то по ту сторону — в потусторонье;
А соловьиное оно или воронье —
Никто не знает.

И вот уже, кажется, невыносимо бремя,
И хочется, как голову в омут, ногу — в стремя,
И устремиться туда, где что-то маячит;
Но опять и опять клонит в сон — и, значит,
Еще не время.

Еще пространство раскинуто перед нами:
Вот эти горы вот в этой оконной раме;
И волноваться о чем-то — не наша забота;
Но закроешь глаза — и кажется, что-то
Не за горами.

И кажется, что можно с пространством слиться;
И жизнь, как линия гор, навек сохранится.
Лишь надо крепче друг к другу прижаться,
И пусть завывает, и не отзываться.
Не шевелиться.

К ***

1

Раз, два, три, четыре, пять, шесть:
Мне все снится и все снится твоя шерсть.
Ничего уже мне с этим не поделать.
Только бы не девять!
Что случилось — то случилось; шесть и семь:
Сам не свой и сам ничей я стал совсем.
Ничего уже мне с этим не поделать.
Только бы не девять!
Ну а будет то, что будет: семь и восемь.
А пока одно лишь время года — осень.
Ничего уже мне с этим не поделать.
Только бы не девять!

2

Я не помню, на каком языке мы с тобой говорили:
Может, на русском, а может, на суахили.
Но я помню, что мы друг друга всегда понимали:
Друг другу внимали, конечностей не разнимали.
Я не помню, о чем были у нас разговоры:
Может, о том, как цветисты цветы или просторны просторы.
Но я помню, что мы говорили с тобою
Постоянно, как волны прибоя, без перебоя.
Осталось не волноваться о чем бы то ни было научиться
И незаметно на том берегу очутиться —
Там, где будут все провалы памяти излечимы,
Там, где мы с тобою будем неразлучимы.

Сегодня ночь чернее черноты,
И ветер за окном ревет зловеще;
Плывут все очертанья, все черты,
И вслед за ними исчезают вещи.

Да что там вещи! Трепетно дыша,
Как в клетке, в мироздании тщетно бьется
Неугомонная — сама душа;
Еще один порыв — и задохнется.

Застынет и рассыплется словарь,
Столетний переключка в Лету канет,
И родословная, как киноварь,
Так сладко кровоточить перестанет.

И так уже кузнечик не поет,
Средь пустоты беспомысленно слово;
И кажется, что утро не придет,
Что солнца луч ты не увидишь снова.

Душа моя, не бойся и не плачь;
И принимай как дар судьбу любую:
Придет пора — и самый лучший ткач
Вплетет тебя, как нитку, в ткань живую.

Что за дивный хоровод —
Звуков, лиц круговорот:
Королевичи, портные
Спрячут всё за годом год,
Цепи бряцают дверные,
Мчатся сани расписные,
Бочка по морю плывет,
Мед не попадает в рот,
По усам стекает только,
Остается на губах,
На отеческих гробах.
Остается ровно столько,
Сколько надо, чтоб кружить
В этом вихре бесконечном,
Чтоб как все ему служить
И в забвенье воровать.
И над жизнью не корпеть,
И добра не наживать —
Грызть орешки, песни петь,
Как кукушка куковать.

Скажи, Будетлянин, будет ли
Мир во всем мире? И тем ли
Мы измеряем температуру Земли?
Как ты считаешь: дождутся ли нас другие земли,
Другие планеты и другие галактики,
Которые так далеки,
Что нужны какие-то новые уравнения,
Которые не знаем ни ты и ни я.
И, тем не менее, говори: называй
Все, что можно, по имени.
Рассчитывай
Свои формулы и чертежи,
Чтобы дыхание этой неуловимой души
Сохранялось на пространство страницы,
на время звучания
Нашего голоса; может, тогда
Все это будет и будет: живая вода,
В круг превращающаяся линия,
Никогда не падающая звезда.

Говорят, между нами дорога,
А между нами путь, а не дорога.
Вернее — между нами путь-дорога —
Не длиннее черточки-дефиса.
А вернее — не путь и не дорога,
И даже не путь-дорога, а просто тропинка:
Просто тропинка безо всяких препятствий —
Как беседа без препирательств,
Как строчка без знаков препинанья,
Без черточек и без дефисов.
А вернее — между нами песчинка,
Которую не видно невооруженным глазом,
А вооружаться — пустое дело,
Потому что это ни к чему не приводит.
А вернее — просто слезинка,
Которая была и исчезла.
И мы уже не плачем,
А просто ложимся в землю, поднимаемся в небо,
Чтоб нас уже не смогли отличить друг от друга,
И от земли, и от неба. Чтоб говорили.

Блокнот, обрывки, книжка записная...
Пора, наверно, вместе все собрать.
И выбрать без особенных уловок
Какой-нибудь простой подзаголовок:
Ну, скажем, так: «Забытая тетрадь».
И сразу — занавесочка льняная,
Проснувшись, затрепещет на окне:
И все претензии — компания хмельная,
Подъезды темные, гроза в начале мая —
За давностию срока — не ко мне.
И только рифма, как звонок, сквозная,
Пронизывает вереницу строк,
Напоминая и напоминая,
Как жил сиюминутно, а не впрок,
Что будет завтра, за углом — не зная.

ЗАБЫТАЯ ТЕТРАДЬ

* * *

И снова май, и снова прав Платон,
Поскольку этот ряд весенних грядок
И этот распустившийся бутон —
Не нами установленный порядок.

Когда придет пора, и мы поймем,
Что все-таки скрывается за словом;
Ну а пока язык сквозь чернозем
Уходит вглубь к корням, к первоосновам.

Бесхитростное наше ремесло:
Лишь говорить и продлевать продленье;
И, что б сквозь землю ни произросло,
Все узнавать — себе на удивленье.

То ли это уже за мной,
То ли это просто за дверью шаги.
Спал опять плохо: видел сон дурной;
Встал снова не с той ноги.

Надо, наверное, вернуться, лечь;
Выспаться и перестать мудрить.
Завести с соседом о чем-нибудь речь
Или ни о чем еще раз поговорить.

И не надо дрожать, как осиновый лист,
К уловкам всяческим прибегать,
Всё пытаться поймать шепот, свист,
За шторой таиться, слух напрягать.

Нет никаких сигналов и никаких примет —
Как не старайся и не пророчь.
Слово приходит неслышно и создает предмет,
Так же неслышно, как нас настигает ночь.

Г. С.

Опять прощанье скомкано, как лист.
Тянул сквозняк, и свет в подъезде ерзал.
Ты говорила мне, что вечер — мглист,
А я тебе — что ты совсем замерзла.

И этот бесполезный разговор:
«Я», «ты», «тебе» — одни местоименья —
Сырой октябрь уносил, как вор,
За дверь, в свои полночные владенья.

А может быть, и надо — только так:
Как лист бумажный скомканный — утрата,
Сквозняк, и тусклый свет в дверях, и шаг
В ночь, в ту страну, откуда нет возврата.

ПЛАЩ

За плащом — лгуцим и лгуцим.

М. Цветаева

1

Голос — слаще аллилуй:
«Снизойди под этот полог —
И любовный поцелуй
Будет бесконечно долгов!».

Ну а плащ цветет, как куст,
И букеты роз — из складок:
«Снизойди — и запах уст
Будет бесконечно сладок!».

И кружилась голова,
И душа с собой боролась,
И не помнились — слова,
И не забывался — голос.

2

Вновь и балконы, и двери;
Вновь и ключи, и засовы.
Псы разъяренней, чем звери,
Слуги бессонней, чем совы.

Скрыт от пытливого взора
Профиль в ажурной вуали;
Грудь — заповедней собора,
Взгляд — закаленное стали.

И все равно, синьорина,
Губы — светлей перламутра,
Сердце — нежней стеарина,
Ночь — рассудительней утра.

Как сейчас помню: было белым-бело —
Вот и складывалось все сразу набело.
И не то что мы были особо смелые,
Просто ночи — даже те были белые,
И нам все бежало, летело — не то что шло!

А судьбу не приходится выбирать,
А приходится лишь слова и мелодию подбирать,
А в жизни с нами все приключается,
А у нас самих ничего получается —
Мы умеем только петь и умирать.

Так и кружится этот вот хоровод,
Снова за руку кто-то берет и ведет;
И, какая бы ни была мелодия,
Это все не более чем рапсодия:
Видишь — вишня цветет, видишь — снег идет.

Это все не более чем рассказ,
Который никто не расскажет за нас;
А чтобы следовало продолжение,
Надо жить, не мешкая ни мгновения
И не отводя глаз — как сейчас.

ЧЕРТОПОЛОХ

1

На свете нет ни счастья, ни покоя,
Ни воли — есть один лишь вечный бой!
По крайней мере, здесь, на этом свете,
У нас — в такой особенной стране —
В стране вождей и громких обещаний,
Раскаяний и скверных анекдотов,
Кухонных бунтарей и верных слуг;
В стране, где солнце всходит на востоке,
Как и везде, а в остальном — увы;
В стране со странною грамматикою жизни —
Без настоящего, где люди жить привыкли
Футурумом, а не своим умом;
В стране, где эхо — даже то фальшивит,
Где правда в страшный склеп заточена;
В стране, где рифма может стоять жизни,
Особенно, когда она точна.

2

Итак, все беззастенчивей эпоха,
Все легче шаг мой, все чернее ночь.
И даже этот куст чертополоха
Увы — уже не сможет мне помочь.

Теперь уже достаточно случиться
Какой-нибудь безделице — и я
Смогу легко перешагнуть границу
Отчаянья, отчизны, бытия.

Играет жизнь-Психея. А стихи
Лишь сноски — то к комедии, то к драме —
Ложатся как последние штрихи
На этот вот сюжет в оконной раме.

Возьмешься хоть за ямб, хоть за хорей,
Или анапест, или даже дольник,
Но стоит только выйти из дверей —
Собьешься сразу с ритма, будто школьник.

Начнешь, как ротозей, считать ворон,
Начнешь искать дорогу в этом мире;
А мир обступит с четырех сторон —
И ты отправишься на все четыре.

А после рифму вновь искать начнешь,
Как будто проживая жизнь обратно;
Как будто, если рифму не найдешь,
Мир за окном исчезнет безвозвратно.

Надо смотреть на то, что открывается глазу, —
Миг за мигом и год за годом, то есть — не сразу;
Планов особых не строить, а строить фразу
Так, как положено, то есть — строка за строкой.
Надо, чтобы была легка любая поклажа;
Жизнь — это еще и всякая лажа,
То есть — жизнь ничем не отличается от бриколажа,
То есть — всё всегда под рукой.

ПЕСНИ ОФЕЛИИ

1

Я забуду все слова,
Полечу в далекий ельник.
Может, правда я сова,
Если мой отец был мельник?

Если, что ни вечер, я,
Как крылом, машу рукою,
Если молодость моя
Стала му́кою-мукóю!

Только я, мой господин,
В скупости не виновата:
Вот — укроп, вот — розмарин.
Всё берите, чем богата.

Ах, дары мои легки,
Ничего для Вас не жалко:
Вот — укроп, вот — голубки,
Вот — Офелия-фиалка.

Песня моя — венок.
Ах, стебелек к стеблю.
Тело мое — челнок.
Как я тебя... Отец,

Отрок, и в реку — рок.
Кажется: просто сплю.
Тело мое — челнок.
Как я тебя... Волна

Ах, за волною вслед.
Ах, стебелек к стеблю.
Вот тебе — Троицын цвет.
Как я тебя... А вот

Цвет розмарина — на.
Не забывай — молю.
Ах, за волной — волна.
Как я тебя... И вот

В водоворот речной
Голову — как в петлю.
Помни же, милый мой,
Как я тебя... Прощай.

Если жизнь случилась быть —
Будемте ее любить:
Рвать цветы, кружиться в танце
И в ладоши громко бить.
Вот так: раз-два-три.

Если ж кругом голова,
А кругом — одна молва,
Соберись сказать три слова —
Пусть слова, слова, слова.
Вот так: раз-два-три.

Если ж вдруг померкнет свет —
Собери поярче цвет:
Розмарин, укроп и руту,
И ступай за ними вслед.
Вот так: раз-два-три.

А дорожка коротка:
Вниз с крутого бережка,
Шаг — держась за ветку ивы,
И без ивы — два шажка.
Вот так: раз, два-три.

Вспомни, память, все ль забылось:
Руки — стыли, сердце — билось,
Слуги — спали, свечи — стыли.
Всё?

Нет! Еще дрожали тени,
Уходили вниз ступени,
Пенилось от бега платье.
Всё?

Нет! Еще чуть-чуть осталось:
Пламя — сбилось, сердце — сжалось.
«Удалиться?» — «Сделай милость».
Всё.

Надо говорить всегда:

«Да, да, да, да».

Вянет розмарина цвет —

«Да, да, да, да».

Отрок отвернулся: нет!

«Да, да, да, да».

Стал не мил весь белый свет —

«Да, да, да, да».

Сколько б ни случилось бед —

«Да, да, да, да».

Вот — отца на свете нет.

«Да, да, да, да».

Вот — меня на свете нет.

«Да, да, да, да».

Как наша память прошлое хранит?
По-разному. Сначала — жадным взором:
Бульжный наст, крупитчатый гранит
И золотое солнце над собором.

И слухом: завыванье зимних вьюг.
И кожей: поцелуй волны прибрежной.
Но вот тускнеют краски, гаснет звук,
И губы забывают запах нежный.

Мы забываем даже имена
(А как их память бережно хранила!).
И просто помним: снег, гранит, волна.
А то и проще: было, было, было.

Вот какая смешная шутка:

Сбившаяся с маршрута маршрутка

В городе, который изъезжен, исхожен,

А теперь переиначен, перегорожен.

Кажется, еще минута — и вздернут на рее, —

Мне нужна не «скорая помощь» — а скорее.

Мне нужна неотложка.

Потому что еще немножко —

И закроется дверца,

И следующая остановка будет — сердца.

Пусть приедет врач со своим саквояжем

И составит мне курс леченья,

Скажем:

По утрам стакан воды живой, перед сном — трава забвенья,

Чтоб я смог добраться в пункт назначенья.

Равномерно качается жизнь-метроном:
Девять дней, сорок дней, годовщина.
Этот в горле комок, этот снег за окном —
То ли следствие, то ли причина.

И уже никогда не распутать клубок;
Снег клубится, концы заметая.
И дорога уходит не прямо, а вбок,
И за точкой идет запятая.

Что ни выбросишь за борт — выходят круги,
И идет голова снова кругом.
За окном протекают две вечных реки
И не могут расстаться друг с другом.

Есть одна потайная, незримая нить,
Есть одна золотая забота:
Вспомнить все на мгновенье — и снова забыть,
И при этом не сбиться со счета.

Шекспир, Монтень, Набоков — выбирай,
В какой сегодня попадешь ты рай
Из этой жизни, с признаками ада.
Но мне, к несчастью, даже их не надо,
По крайней мере — в этот летний день.
Сегодня хватит мне — всего лишь сада,
В котором есть заброшенный сарай,
А в нем — нездешний воздух и прохлада.
Сказать по совести, читать сегодня лень:
Я знаю наперед, что каждый скажет,
Но я не знаю, где сегодня ляжет —
Когда я дверь в сарай открою — тень.

* * *

Кому-нибудь с миру по нитке
На бедность легко собирать.
Но только бывает: пожитки
Всего-то — перо да тетрадь.

И если перо затупится
И станет чернее, чем ночь,
В тетради пустая страница —
И мир не сумеет помочь.

* * *

Дни, как пух, летят с календарей:
Именины, похороны, свадьбы.
Все быстрее, все легче и быстрее.
Ах, перехитрить бы время, стать бы

Черным пеплом, серою золой,
Белым дымом и — по белу свету.
Так, на все четыре, с глаз долой:
Промелькнуть и кануть: был — и нету.

Распроститься б с жизнью земной
(Вряд ли кто-то вспомнит о пропаже)...
Белым дымом, синею волной,
Золотой песчинкою на пляже.

Тесен ворот телесной, земной оболочки;
А избавиться от нее — старанья пустые.
Скорей бы уже дойти до ручки, до точки,
Но вокруг все тире да запятые.

Что остается? Улица, лица и лица
И голоса, разносящиеся по кварталам.
И ничего не бояться, приноровиться
К этому ритму, к его бесконечным фракталам.

А пути никогда не бывает прямого.
Видишь: ресницы дрожат, очертания зыбки.
Не получается вычесть отчаяние, вычислить слово,
Высчитать, вычитать жизнь до последней ошибки.

И если есть на свете какая-то мера,
То это просто дыханье под парусами;
И не понять — как в детстве и как у Гомера:
Где этот воздух волшебный и где мы сами.

Запоминается и вкус заморских блюд,
И набережная, и праздный люд,
Над набережной праздничный салют —
Все остается в памяти бездонной.
Старинный том, открытый наугад,
Смоковницы тягучий аромат
И этот шум волны неугомонной.
И все придет опять, когда придет пора,
Когда сольются завтра и вчера;
И сердце бьется все ровней, все реже,
И близко все, что есть, и далеко;
Плыть тяжело, а уплыть — легко,
И звезды всюду те же и не те же.

Вкус горячего шоколада,
Морская прохлада,
Уличный зной, —
Это помним лишь мы с тобой.

Берег пустой в пене,
Потемкинские ступени,
И в ногу — медленный шаг...
А другие помнят не так.

А так: прохлада морская,
Суэта городская,
По ступеням — подъем крутой,
И в пене — берег морской.

И без твоих, астролог, предсказаний
Я знаю, как разложится пасьянс
Из карт огромных, административных:
Вернется все на круги на своя.
И потому надуманная важность
Твоих глубокомысленных пророчеств
Мне малоинтересна и скучна.
Я лучше в сотый раз перечитаю
Повествованье о безумном принце
И буду думать до последней строчки,
Что Сумароков оказался прав.
Вот так, мудрец, глупец, счастливец праздный,
Мы все самозабвенно нижем бисер,
Потворствуя в стараньи кропотливом
Всемирной исторической игре.

...Перенестись бы за океаны и за моря
Что называется — в мгновение ока!
Не просто далеко, а далёко-далёко
(Презренной поэзией говоря).
Как ни в чем не бывало — поднять якоря,
Над суматохой подняться
И перестать различать голоса.
И в то же мгновение оказаться
Не просто за последним словом абзаца,
А по ту сторону Логоса.
И оттуда каждый раз, как сон, возвращаться.

ГОРОДСКИЕ РОМАНСЫ

1

Всех понять и всех простить.
Ну а если выла вьюга,
Как тут было не впустить
Пусть не милого, а друга?!

Не желанен и не мил,
Но зато — красив и молод.
Ну а ночью ветер выл,
И за окнами был холод.

И всю ночь мела метель,
И никто не виноватый
В том, что теплая постель
Утром оказалась смятой.

2

Обвела как будто мелом
Жизнь мою — волшебный круг.
Все теперь на свете белом
Валится из рук.

Занавесила туманом,
Замела пургою след.
(А кольца на безымянном
Не было и нет.)

Просто жизнь — по воле рока —
Нас свела и развела.
И теперь моя дорога —
Ах, белым-бела!

3

Если слишком крепко руки
Сжаты,
То не миновать разлуки
Скорой.

Видно, руки слишком слабы, —
Вот бы
Посильней чуть-чуть, тогда бы,
Может...

Ну а если слишком сжаты,
Значит...
Так вот и у нас когда-то
Руки...

Мы с тобой — бенгальские огни.
Помнишь эти сказочные ночи?
В полной темноте, совсем одни.
А судьба чем дальше — тем короче.

Если сердце вспыхнет — не спасти.
Гаснет — оглянуться не успеешь.
А погаснет — и прощай-прости
(Может быть, и ты меня сумеешь).

Так вот и сгорели два огня.
Ну а за окошком выла вьюга...
Помнишь, я — тебя, а ты — меня,
Помнишь, как забыли мы друг друга?

...этот гудок электрички,
Уходящей в 17.03.
В тамбуре — чирканье спички,
А за окном — снова улицы и фонари.
Поговори со мной, проговори
Весь этот вечер, и всю эту ночь, и всю жизнь без остатка;
Нежно, как пух, разотри
Звуки всей этой шальной переключки —
И на слезах моих сделай настой,
Чтоб было горько и сладко
Сделать глоток и еще, сделать шаг на перрон на пустой,
В этот туман окунуться,
Просто как будто уснуть и как будто проснуться.
Снова в вагон по привычке
Сесть — и в 17.03 вновь отправиться в путь
И, как впервые, к стеклу вожаделенно прильнуть.

Я по лесенке приставной...

О. Мандельштам

Эта самая длинная ночь,
Этот самый короткий день,
Жизнь, которую не превозмочь,
Потому что она — как тень.

А еще потому, что она
Все звучит с четырех сторон,
Как невидимая струна,
Отнимая покой и сон.

Звезд в ковше Медведицы семь.
Опьяняет вкус травяной.
Как связать, примирить насовсем
Это небо с этой землей?

Отвечаем мы — кто б ни звал.
Жизнь находится там, где есть:
Через черточку, интервал,
Миг, дорогу, благую весть.

ЧЕРНОЕ МОРЕ

1

Черное море с зеленой волной
И с белоснежною пеной...
Все это было с тобой и со мной,
В жизни — прекрасной и бренной.

В августе плохо ночами спалось —
Слишком луна бесновалась.
Все это было: и запах волос,
И обожанье, и жалость.

Всё: и в траве заблудившийся след,
И безрассудство, а вскоре...
Ах, если б знали вы, сколько монет
Было не брошено в море!

2

Ах, эти брызги — волна за волной!
Брызги жемчужные, бездна морская.
Знаю: одна из них будет за мной,
Только не знаю, когда и какая.

Тот, у кого на запястье браслет
Белой полоскою (память о лете!)
Сходит — которую зиму — на нет,
Тот, кому нравится в год по монете —

«Лишь бы вернуться!» — тот, с легкой руки,
Должен когда-нибудь (может быть, вскоре).
Ах, до чего мои вздохи легки:
Легче, чем пена, и глубже, чем море.

Лучше журавль в небе, чем синица в руке,
А еще лучше — жаворонок;
И то, что можно прочесть между строк,
Нельзя сказать ни на каком языке.
Пусть кажется, что можно переступить порог
И выйти из этого сказочного кольца,
Но небо — это исток,
У которого нет начала и нет конца
И который никак не достать, но который есть.
Все это песня, все это благая весть,
И все только начинается.

1

Нет конца моим заботам:
Вот и снова день погас.
Впрочем, мне до ваших — что там,
Где там — мне до вас!

У меня все-то дела:
Лишь бы радуга цвела,
Лишь бы память не скудела, —
Вот и все дела.

2

У кого-то слишком долог
Путь, а у кого-то...
Только все равно, астролог,
Не твоя забота,

Долго ль шерсти Козерога
В темном небе виться.
Ах, пускай моя дорога
Просто длится, длится, длится...

Голова раскалывается, а не просто болит,
Дробь, как от литавр, в висок стучится;
Должно быть, это Шуман шумит,
А ведь после него даже рейнским не излечиться.

Не хватает сущего пустяка:
Чтобы взятая нота длилась и длилась
И соединяла собою разные берега,
Чтобы переправляться с одного на другой не приходилось.

Чтобы стала вода целебнее, чем вино,
Чтобы стало легким любое бремя
И чтобы наконец сумели слиться в одно
Кларнет и скрипка, пространство и время.

И ты тогда, как музыка, поплывешь,
И жизнь будет длиться, но только иначе;
Ведь не зря же эта по коже дрожь
И это *allegro molto vivace*.

Много лет, а кажется — вчера
(Стоит только опустить ресницы).
Мы с тобой молчали до утра
И никак всё не могли навек проститься.

Я стоял, к стеклу прижавшись лбом.
Ты сидела рядом, в синем платье.
В синем? Или, может, в голубом?
Забыванье — ежедневное занятие.

Кажется, что все эти смещения
Чисел, песка, ударения
Приведут к тому, что потом не вспомнят уже ни о ком.
Но этот город стоит, как стоял, — город спасения;
И можно по пляжу пройти босиком,
А можно посмотреть на море из крепости.
Может, и я
Смогу прорасти
Ростком какого-нибудь растения,
Сесть на ветку каким-нибудь мотыльком,
Лечь на площадь стертым бульжником.

1

Оттого, что брезжит свет,
Оттого, что ночь кромешна,
Оттого, что Бога нет,
Оттого, что даль безбрежна,

Оттого, что слаб висок,
Оттого, что боль прилежна,
Оттого, что холм высок,
Наша встреча — неизбежна.

2

Вновь — яко от соцветия роса,
И яко дым — душа, простившись с телом,
Неслышно уплывает в небеса.
И снова на кладбище опустелом —

Покой. А после вновь встречают день:
Привозят крест, могильщик вновь копает
Могилу... Но вокруг цветет сирень —
И завтра никогда не наступает.

Я с опаской уже приближаюсь к любой запятой:
Эта пауза, эта цезура — как долго продлится?
Лишь гекзаметр плавно течет, будто мед золотой,
И июль за окошком, как шмель налитой, шевелится.

А ведь кажется — Господи! — кажется, только вчера
Солнце рано вставало и долго стояло в зените.
А сегодня уже холодней и длинней вечера,
И струятся с небес невесомые, хрупкие нити.

Но зато стало легче дышать и слова подбирать;
Например: «Все в руках у слепых, у всевидящих парок».
Я почти уж постиг самый трудный предмет — умирать.
И теперь каждый день принимаю как щедрый подарок.

Греческая ваза четвертого века до нашей эры,
На которой редко задерживается взгляд туриста,
Для кого история — лишь зев пещеры,
Приоткрытый лет на сто, двести, максимум — триста,

Напоминает, что за какой-то чертою,
По мере того как во мрак погружается местность,
Разуму все трудней справиться с темнотою
И вещи постепенно теряют свою телесность.

А может, мы просто слепнем от золотого сеченья
И, растерявшись, не знаем сами,
Что делать с совершенством формы и назначенья,
Которое стоит у нас перед глазами.

Хочется сказать обо всем по порядку,
Но слова играют с мыслями в кошки-мышки.
Когда-то я жил в основном вприглядку
И знал о многих вещах лишь понаслышке.

Зато теперь моя память — тяжелей разлуки.
Слава Богу — телега жизни все еще катит.
И я, как могу, подбираю к прошлому звуки,
Но времени сказать обо всем все равно не хватит.

Значит, можно больше не торопиться.
Вот я страницы жизни так и листаю.
И уже совсем не страшно, что легче сбиться
С ритма, с дороги, чем птицам осенним в стаю.

Занимательная грамматика: слово «жить» —
Как глагол полусовершенного вида;
Может, поэтому и хочется расположить
Все по порядку. Но curriculum vitae

Напоминает изнанку ковра,
И следы видны еле-еле.
Я помню, что было со мною позавчера.
Но месяц назад? Но в позапрошлом апреле?

Но взгляд на Исакий и слезы у снежных ресниц?
Но полдень, как шмель, налитой? Но родительский шепот?
Как это все изложить на паре страниц?
Как уместить в графу под названием «опыт»?

* * *

Новое имя, которое введено
В песнь, опьяняет сильнее, чем вино,
И имеет все шансы стать незабытым.
Впрочем, даже оно
Не сравнится с тем, что делает ритм;
Поскольку лишь он один,
Преодолевая сопротивление материала
(Иными словами — всего, что дано),
Возникает из нездешних глубин
И, как ни в чем не бывало,
Стремится стать основой всего,
Так, чтобы его
Само бытие, то есть каждое существо,
Как послушное зеркало, повторяло.

Сегодня день какой-то неземной:
Все замерло — ни звука, ни движенья.
Весь мир, застыв, лежит передо мной
И ждет как будто моего решенья.

Как будто — стоит что-то мне изречь —
Качнется все, что есть, очнется сразу;
И эта жизнь отныне будет течь
Так, как сумею я построить фразу.

И значит надо смыслы перебрать
От А до Я: потом семь раз отмерить,
Собрать и по краям перевязать,
И все еще хотя бы раз проверить.

И кажется, все сложится вот-вот,
Еще одна деталь — и все готово.
Но, к счастью, легких ласточек полет
Прекрасней и стремительней, чем слово.

* * *

Зимой любой из городов похож
На Петербург: все кажется — пройдешь
Еще чуть-чуть, а после повернешь
За угол и, быть может, попадешь
В плюсквамперфектум*, в век заиндевелый:
В тот день морозный — день кроваво-белый,
День, за которым наступила ночь.
И вот идешь — и хочется помочь
Всем сразу: заблудившейся отчизне,
Друзьям, врагам, себе; но жалко жизни
Всей сразу — и обидно умереть.
Вот если б можно — ну хотя б на треть,
А после из-за шторы посмотреть,
Как новое сквозь плиты прорастает,
И успокоиться, и начинать стареть.
И, возвратившись в сонную квартиру,
Запахивая стеганый халат,
Все думаешь: «И так ведь не до жиру,
И, значит, я ни в чем не виноват».
А за окном — седой Исакий тает.

* Plusquamperfectum — давно прошедшее время (лат.).

Обилие глаголов несовершенного вида,
Должно быть, связано с общим состоянием планеты.
Во всяком случае, мое *curriculum vitae*
Разбросано по разным концам моего кабинета.

Я, как жонглер, находясь на суше,
Подбрасывал в воздух два океана.
Работал в поле, как подневольный; бил баклуши;
Пил водку из фужера и вино из стакана.

Летал наяву и во сне. И конечно,
Где бы ни был, всюду искал Эльдорадо:
На севере и на юге, увы, безуспешно,
Зато на западе и на востоке — без результата.

Что сказать о жизни? Что оказалась короткой.
И вдобавок — прямо в лицо смеется.
Но пока этот воздух я ощущаю глоткой,
Пусть она, как шерсть Козерога, вьется.

Сентябрь напоминает синтаксис, суть, костяк,
А также о том, что все остальное пустяк,
И что эта красочная листва —
Не более чем украшение, так — слова, слова.

И чем меньше слов, тем смысл ясней —
Так, как бывает наутро, на девять дней.
И понимаешь, что жизнь не так проста,
А намного проще — и течет, как мед, мимо рта.

* * *

Как много обязанностей у старожила:
Рассказывать, что на этом месте было
Не то, что находится в настоящий момент,
Например, вместо памятника — монумент.

Помнить следы пешеходных маршрутов,
Ориентиры не перепутав:
Например, от дома — в вишневый сад,
А потом вдоль набережной — назад.

Избегать — насколько возможно — сравнения,
Не баловать сослагательного наклоненья,
Транспорту предпочитать прогулки пешком
И угощать Лопахина коньяком.

Меня обмануть совсем несложно, то есть легко.
Во-первых, потому что вы от меня далеко;
Во-вторых, потому что я далеко от вас. И к тому же
На улице то сугробы, то лужи,
И вообще: что ни день — то ночь.
И только слово может помочь,
Потому что я верю на́ слово, то есть каждому слову,
То есть и первому, и второму.
Такая вот языковая игра.
И надо к стеклу, к подушке прижаться,
И на кончике, как говорится, пера
Во что бы то ни было продержаться
До вечера, а если удастся,
И до утра.

Вместо поисков смысла жизни все чаще
Приходится искать простые предметы — скажем,
Маленький белый мячик в зеленой чаше,
Как и подобает гольфисту с месячным стажем.

Смотрю на fairway и, смысл понимая,
Все не могу найти адекватного перевода:
«Фэарвэй»? «Путь без препятствий»? «Дорога прямая»?
Впрочем, на это уйдут годы, и годы, и годы.

Ну а пока, что ни год, все исчезают куда-то
То ключи от дома, то птиц вереница,
То — особенно в конце месяца — зарплата,
То сон, то с цитатой страница.

Вот так и проходит мирская слава.
А белый мячик по полю скачет и скачет:
Зеленая роща — слева, бессонница — справа.
И значит, все так и должно быть; все так и задумано, значит.

Ну что ж, попробовали: поворот руля
Был неуклюжим — из-под ног ушла земля
И старые исчезли измерения.
Пустились в плаванье материки,
И хрустнули столетий позвонки,
Слух расслоился, и распалось зренье.
И удержаться уже, кажется, нельзя,
По времени и по пространству прочь скользя,
Но я цепляюсь все равно, на всякий случай,
За что придется, за любой пустяк:
За стрелки на часах, за твердый знак,
За-будь-что-будет, за подъезд колючий.

Мы не знаем, что говорил Сократ.
И, пока не изобретен такой слуховой аппарат,
Мы должны верить на слово кому-то другому,
То есть, по сути, буквам, построенным в ряд.
Конечно, письменная — это тоже речь,
Но при этом приходится пренебречь
Тем, что другой слышит все по-другому,
И прочими погрешностями в виде губ, глаз и плеч,
А также тягою к чему-то такому,
Что никогда не узнаем ни ты и ни я...
И разумеется, в виде просто дыхания,
Которое — все равно что держать в руке и лелеять синицу
И чувствовать трепетное тепло,
Которое все тело обволокло
И которое нельзя закрыть, как страницу.

А может, высокая правда — и правда лежит
Не в хлебе насущном, а в доме под новою крышей?
Сосед мой уж месяц решает — никак не решит,
Коричневой краской покрасить гараж или рыжей.

А может, наследство — и правда всего лишь акцент?
А может, и правда вдали от родимого крова
Слагаются вещие строки — под скотч, под абсент,
И первое слово ничуть не дороже второго?

Там одни согласные стоят, как стена.
Такой алфавит; такие пространства и времена.
И жизнь не для того дана,
Чтобы тратить папирус на прочие звуки.
И мы не знаем, как называл фараон Нефертити,
Когда приходила ночь, когда его руки
Срывали с нее изумрудные нити,
Когда его страсть была утолена.
Но жизнь — не преграда, а длительность и продолженье —
И, обессилев, падает под ударенье,
Подходит к ногам, как морская волна.
И держится все на согласии гласных, на знаке окины*.
И снова вздыхает песок, и восходит звезда,
И все уплывает туда —
Туда, где пространство и время едины.

* В алфавите гавайского языка знак, передающий гортанную смычку звуков.

АНТРОПОЛОГИЯ

1

Антропологический конгресс напоминает
Нечто среднее между «National Geographic» и Марксом:
Каждого докладчика волнует,
Как репрезентировать постколониальный дискурс.

А у меня к этому нет особого интереса;
Ведь даже если язык непроходимей, чем джунгли,
Все равно ничего нельзя брать без спроса,
Особенно чужие города и земли.

А иначе погибнет дерево жизни,
Посаженное народами майя,
И за тобой рано или поздно
Приползут гремучие змеи.

А ты будешь сидеть один дома,
Складывая слова в молчаньи угрюмом,
Вместо того чтобы смотреть со всеми,
Как солнце восходит над храмом.

За окном — трудолюбивая и радостная Мерида.
Но, чтобы почувствовать дыхание любого города,
Надо как минимум выйти на улицу, чтобы ветром продуло;
А еще лучше — из языка за его пределы.

При переводе километров в мили что-то теряется,
Шкатулка с секретом никак не откроется,
К тому же на солнце с трудом оформляются мысли,
И обед, запланированный на семь, начинается после.

Эту жизнь не охватить никакою рифмою;
Вот такая история с географией.
И все же на свете нет такого вопроса,
Который нельзя решить за бутылкой *cerveza**.

* Пиво (*исп.*).

* * *

А в книге мне страница с оглавлением
Дороже, чем все остальные строки:
В них нет уже бесхитростности той,
Которая бывает только в детстве,
А навык есть уже и ремесло;
И чувствуется явное желанье
Преодолеть земное притяженье,
И вывести божественный узор,
И ухватить за хвост судьбу-жар-птицу
И точной рифмою ее окольцевать.
И все, что есть, по имени назвать.
Но, разумеется, жар-птица улетает,
И остается лишь перо простое
В руке; им и выводишь пару строк
И ставишь вместо точки многоточье...
И значит, все на свете может быть.
И понимаешь, что различий нету
Между тобой и тем, что называют
Вселенной: например, звездой далекой;
Что это все — слова, слова, слова.
И для того чтоб вознестись на небо,
Достаточно любого пустяка,
Настолько жизнь становится легка —
Особенно когда октябрьский ветер...

Сбросишь сандалии —
И открываются такие дали и
Жизнь видна до самого дна,
До самой последней детали.
И последний взгляд капитана Кука,
В котором такая мука,
Расскажет больше, чем вся наука,
Которая в данном случае мало на что годна.
Ведь шепчет век за веком волна морская:
Приблизиться можно, лишь отпуская,
Не цепляясь и не понукая,
А сбрасывая сандалии, а легко на песок ступая
И уплывая, как морская волна.

* * *

1

Всего-то: выспаться, найти шампунь по нраву,
На смертную тоску найти управу
И с этим миром — наконец-то — связь, —
Чтоб жизни нить, исполненная смысла,
Как фуга фуг, как Фибоначчи числа,
Вела, вилась, клубилась, не рвалась.

2

Прожить бы жизнь, не задавая глупых вопросов,
А просто ведя беседу — как тот философ,
Сидя под легким тентом за маленьким столиком,
Потягивая джин с тоником эдаким стойком.
Черпая темы из Средиземного моря,
Не зная, что будет завтра, не зная горя,
Пространство со временем чувствуя кожей
И никакой не тяготясь ношею.

Туман, как сон, рассеивается:
Края большого белого покрова
То тут то там приподнимаются,
Как будто по слогам — за словом слово.
И с каждым словом все ясней становится,
Что эта жизнь, как слово, будет длиться
И что мы с нею будем до конца,
Пока пред нами не проступят лица —
Все очертанья до последнего лица,
Пока не сложится последняя страница,
Пока знакомая до боли улица,
Как шумный табор, не угомонится.
И значит, надо вновь и вновь стремиться,
Пока все снова не заволочло,
Проникнуть в суть вещей осиным зреньем
И обо всем сказать с таким смиреньем,
Чтоб время, как желание, пришло,
И с нежностью перехватило горло,
И опустило белый свой покров,
Оставив, может быть, с десяток слов,
А остальное — остальное стерло.

Хочу, как иголка в стогу, затеряться, но вряд ли смогу.
Боюсь, что увязну по самое горло в снегу,
В болотах, где клюква растет, как пролитая кровь:
Устану и встану, и шагу не сделаю вновь.

Хочу убежать и смешаться с землей, не сказав никому.
Но только, боюсь, задохнусь в этом сладком дыму,
Застряну среди этих суфффиксов, этих корней,
Останусь стоять запятой в родословной своей.

И буду стоять — как под ярким лучом как на грех,
Как будто прошу беспрестанно прощенья у всех.
И пусть это место никто никогда не найдет;
И пусть эта жизнь, будто мед, мимо рта протечет.

...но сигнал маяка

Распознаваем отчетливо, хоть и доносится издалека,
Можно даже сказать — издалёка,
Можно даже сказать — из самого из истока,
Но нельзя сказать — с запада или с востока,
Поскольку все относительно и зависит от сущего пустяка:
Существования в некой точке некоего материка
В некий момент времени, то есть — пока.
Все это такие далекие берега,
Что туда не достанет ни рука, ни око, —
Вот разве что эта строка,
Да и та вряд ли — до истечения срока
Действия этого почерка.
Вот такая жизнь, не-помню-какая-река,
Вот такая грамматика, топонимика.

За божьей коровкой, за хлебом пахучим, ржаным,
За тем молоком — материнским, родным,

Туда, где пространство и время едины, туда,
Где маленький мальчик сидит у пруда,

Дай мне возвратиться туда хоть на день, хоть на миг,
Поставь мне любую оценку в дневник.

Я знаю: я слишком старался, над жизнью корпел,
Поэтому, может, так мало успел.

Уже ничего не исправить — кончается класс;
И все же — дай крылья расправить хоть раз,

Скажи надо мной потайную считалку, прости,
С ладони вселенской меня отпусти —

Туда, где уже будет мама навеки со мной,
Где хлеб выпекают пахучий, ржаной.

Был легче на подъем, чем на помине,
Чем сон под утро, чем зола в камине,
Чем календарный листик отрывной;
Летал туда-сюда... Но вот, похоже,
Уже гуляет холодок по коже
Какой-то незнакомый, неземной...
Пора, мой друг, пора! И все же, все же,
Быть может, мироздания вкус хмельной
И на губах бескровных сохранится,
И этих дней с ночами вереница,
Как стая птиц, на небо устремится,
Доснится сон, и все довоплотится,
И этой жизни страстная страница
Навеки не закроется за мной?!

Это все не более чем ремесло:
Кто-то делает стихотворенье, кто-то — весло.
При этом и весло, и стихотворенье —
Это не более чем со-творенье,
И значит, можно быть лишь со-творцом:
Например, с деревом, со скворцом.
Разумеется, не говоря уже О.

Только этого мало —
И хочется создания нового материала:
Взмахнуть, например, просто так рукой,
Чтобы жизнь стала такой,
Какой до этого никогда не бывала!

Но эти материи слишком тонки,
Слишком далёки и высоки,
А век человеческий слишком краток.
Благодарю за морскую солоноватость строки
И округлость весельных рукояток!

Поставить на пространстве жирный крест
И овладеть охотой к перемене мест;
Забросить стремя и не стремиться
Из пункта А в пункт Б переместиться.
И пусть пустует, как пустырь, страница,
И льется ливень, и струя струится,
И разговор, как мед тягучий, длится,
И птиц плывет по небу вереница,
И прибывает к берегу прибой,
И невесомым делается бремя...
Мир открывается, как ларчик, — сам собой —
И лишь тогда, когда приходит время.

Ах, какая все это чехарда!
Торопишься, сам не помня, куда;
Вчера была суббота, сегодня — уже среда;
Хочешь сказать «нет» — получается «да».
И жизнь как будто начинается вон у того леса
(Варианты: той станции, той реки),
Хоть и знаешь: жизнь — всего лишь неоконченная пьеса
Для пианино, расстроенного — ну просто беда!
И потеряны с партитурой листки,
И настройщика нету...
Но лето! Господи, какое стоит лето!
Какая стоит тишина, какая в небе стоит звезда!
И кажется: нота, взятая так, из праздного интереса, —
Зашли соседи, обсудили последние пустяки —
Исполнена такой нежности и такой тоски,
Что будет длиться завтра, столетье спустя, всегда.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евгений Клюев. «Чтобы сливались слово и слово, слово и слово...»</i>	5
«Судьба похожа на стихотворенье...»	7
«...или вот: произнесешь “грибники”...».....	8
«Главное — построить фразу...».....	9
«Неприкрепленной лодки не отвяжешь...»	10
«Эта жизнь — с этим сбивчивым шепотом...»	11
«Мир открывается, будто глазок потайной...».....	12
«Я гулял по солнечным пляжам Ла-Хойи...».....	13
«Была такая яркая молния...».....	14
«Я никому не скажу, а тебе скажу...».....	15
«...и поскольку жизнь начинается из-за такта...»	16
«То ли ночь за дверью, то ли день...»	17
«Минута длиною в вечность, детские игры...».....	18
«Все дело не в цвете, а в колорите...»	19
«Ничего не подделаешь: осень, дожди...».....	20
«Слышим звон, да не знаем, где он...»	21
«Здесь, наверно, и вправду намазано медом...»	22
«Пусть в начале было слово...»	23
«Уже достаточно любого слова, любой зацепки...»	24
«Время лучший лекарь или пространство?...»	25
«Было неясно лишь на первых порах...»	26
«Как справиться с такою крутизной...».....	27
Колыбельные для Ани	28
1. «Спи, глазки закрывай, усни...»	28
2. «Баю-баюшки-баю...».....	29
3. «Снится молоко котенку...».....	30

«Из забывших меня, а вернее...»	32
«Привет тебе с удивительных берегов...»	33
«Чтобы идти и идти по берегу моря...»	34
«На охоту собирались — кормили собак...»	35
«Вышел месяц из тумана...»	36
«Не на злобу дня, а на добро ночи...»	38
«Мне уже не надо ничего...»	39
«...не переводя ни дыхания, ни часов...»	40
1. «...не переводя ни дыхания, ни часов...»	40
2. «Это не рассветает по часам, а часы...»	40
«Будто кто-то надиктовывает мотив...»	41
«Скажешь слово, и кажется — слышишь отзвук...»	42
«Надо вспомнить, забыть, промолчать, сказать...»	43
«Сжечь бы этот ворох этих сосновых иголок...»	44
«А как веревочка ни вилась, а все равно вьется...»	45
«В озере плавают и плавают рыбы и рыбы...»	46
«И снова эта предновогодняя суতোлка...»	47
«Ветер, кажется, не воеет, а завывает...»	48
К ***	49
1. «Раз, два, три, четыре, пять, шесть...»	49
2. «Я не помню, на каком языке...»	49
«Сегодня ночь чернее черноты...»	50
«Что за дивный хоровод...»	51
«Скажи, Будетлянин, будет ли...»	52
«Говорят, между нами дорога...»	53
«Блокнот, обрывки, книжка записная...»	54
Забятая тетрадь	55
«И снова май, и снова прав Платон...»	55
«То ли это уже за мной...»	56
«Опять прощанье скомкано, как лист...»	57

Плащ	58
1. «Голос — слаще аллилуй...»	58
2. «Вновь и балконы, и двери...»	59
«Как сейчас помню: было белым-бело...»	60
Чертополох	61
1. «На свете нет ни счастья, ни покоя...»	61
2. «Итак, все беззастенчивей эпоха...»	61
«Играет жизнь-Психея. А стихи...»	62
«Надо смотреть на то, что открывается глазу...»	63
Песни Офелии.....	64
1. «Я забуду все слова...».....	64
2. «Песня моя — венок...»	65
3. «Если жизнь случилась быть...»	66
4. «Вспомни, память, все ль забылось...»	67
5. «Надо говорить всегда...»	68
«Как наша память прошлое хранит?...»	69
«Вот какая смешная шутка...»	70
«Равномерно качается жизнь-метроном...».....	71
«Шекспир, Монтень, Набоков — выбирай...».....	72
«Кому-нибудь с миру по нитке...»	73
«Дни, как пух, летят с календарей...»	74
«Тесен ворот телесной, земной оболочки...»	75
«Запоминается и вкус заморских блюд...»	76
«Вкус горячего шоколада...»	77
«И без твоих, астролог, предсказаний...»	78
«...Перенестись бы за океаны и за моря...»	79
Городские романсы	80
1. «Всех понять и всех простить...»	80
2. «Обвела как будто мелом...»	81
3. «Если слишком крепко руки...».....	82
4. «Мы с тобой — бенгальские огни...»	83

«...этот гудок электрички...»	84
«Эта самая длинная ночь...»	85
Черное море.....	86
1. «Черное море с зеленой волной...»	86
2. «Ах, эти брызги — волна за волной!..»	87
«Лучше журавль в небе, чем синица в руке...».....	88
«Нет конца моим заботам...».....	89
1. «Нет конца моим заботам...»	89
2. «У кого-то слишком долго...»	89
«Голова раскалывается, а не просто болит...».....	90
«Много лет, а кажется — вчера...»	91
«Кажется, что все эти смещения...».....	92
«Оттого, что брезжит свет...»	93
1. «Оттого, что брезжит свет...»	93
2. «Вновь — яко от соцветия роса...»	93
«Я с опаской уже приближаюсь к любой запятой...».....	94
«Греческая ваза четвертого века до нашей эры...»	95
«Хочется сказать обо всем по порядку...»	96
«Занимательная грамматика: слово “жить” ...».....	97
«Новое имя, которое введено...»	98
«Сегодня день какой-то неземной...».....	99
«Зимой любой из городов похож...».....	100
«Обилие глаголов несовершенного вида...»	101
«Сентябрь напоминает синтаксис, суть, костяк...»	102
«Как много обязанностей у старожилы...»	103
«Меня обмануть совсем несложно, то есть легко...».....	104
«Вместо поисков смысла жизни все чаще...»	105
«Ну что ж, попробовали: поворот руля...»	106
«Мы не знаем, что говорил Сократ...».....	107
«А может, высокая правда — и правда лежит...»	108

«Там одни согласные стоят, как стена...».....	109
Антропология	110
1. «Антропологический конгресс напоминает...»	110
2. «За окном — трудолюбивая и радостная Мерида...»..	111
«А в книге мне страница с оглавленьем...»	112
«Сбросишь сандалии...».....	113
«Всего-то: выспаться...».....	114
1. «Всего-то: выспаться...».....	114
2. «Прожить бы жизнь...»	114
«Туман, как сон, рассеивается...»	115
«Хочу, как иголка в стогу, затеряться...»	116
«...но сигнал маяка...».....	117
«За божьей коровкой, за хлебом пахучим, ржаным...»	118
«Был легче на подъем, чем на помине...»	119
«Это все не более чем ремесло...».....	120
«Поставить на пространстве жирный крест...».....	121
«Ах, какая все это чехарда!...»	122

*Литературно-художественное издание
Серия «Поэтическая библиотека»*

Клюканов Игорь Энгелевич

РЕЗЮМЕ

Редактирование и корректура

Лариса Спиридонова

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Верстка

Светлана Спиридонова

Подписано в печать 15.12.2014.

Формат 70х108¹/32. Усл. печ. 5,6.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № 976.

«Время»

115326 Москва ул. Пятницкая, 25

Телефон (495) 951 5568

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в соответствии

с предоставленным оригинал-макетом

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

Прожить бы жизнь, не задавая глупых вопросов,
А просто ведя беседу — как тот философ,
Сидя под легким тентом за маленьким столиком,
Потягивая джин с тоником эдаким стойком.
Черпая темы из Средиземного моря,
Не зная, что будет завтра, не зная горя,
Пространство со временем чувствуя кожей
И никакой не тяготясь ношею.

Игорь Ключанов

[HTTP://BOOKS.VREMYA.RU](http://books.vremya.ru)